

Эльвира Баландина,
философ, профессор (Россия)

Путь к новому человеку

Мечта о новом человеке или человеке будущего в европейской культуре стала отчетливо осознаваться, начиная с Возрождения. Причин для этого было достаточно, но все они концентрировались вокруг общего уmonoстроения эпохи, для которой направленность в будущее стала более значимой и ценной, чем обращение к прошлому. Один из неоднозначных, но безусловно героических философов Возрождения, Джордано Бруно, назвал свою философию «философией рассвета», выразив в этом названии предчувствие нового времени, где человек не только в мечтах, но и воочию станет творцом самого себя и своего мира. Мечтания эти вполне укладывались в «христианское ложе»: обещания новой земли и нового мира, которые содержатся в новозаветных текстах и предназначены для новых людей. Но вот различные исторические толкования «новых людей» приводили к таким практическим результатам, которые не всегда оказывались совместимыми. Это тем более удивительно, потому что общие первоначальные очертания нового человека были сходны. Если попробовать свести главные черты «новоевропейца» воедино, получится примерно следующее.

Новый человек не должен иметь ограничений в проявлении своих способностей. Он должен иметь возможность жить и творить свободно, сообразно собственной природе, а не повинаясь насилию и внешней необходимости. Он должен жить, не уродуя и не загрязняя природу, не переводя природные ресурсы на производство оружия и не уничтожая этим оружием себе подобных. Он, этот человек, должен духовно питаться чем-то более возвышенным и глубоким, его ценности должны возвышать его над обыденностью жизненного мира. Он не продается за все золото мира, и отсутствие денег не есть для него простительный мотив преступления. Его не пугают угрозы или шантаж, если они исходят от недостойных собратьев. Он понимает, что человек — это не просто тело из крови и плоти, не просто развитый интеллект, а нечто более глубокое, через и сквозь которое проходит История, и он в ответе за нее.

Архетипические черты нового человека, унаследованные от Возрождения и Нового времени, трансформировались в многообразие теорий и проектов воспитания человека будущего. Буйные и безграничные фантазии о прекрасном новом мире и прекрасном новом человеке несколько поумерились простым, на первый взгляд, вопросом Канта: что есть человек, принадлежащий одновременно миру природы с ее законами и миру свободы, где законы устанавливает сам человек. Вопрос оказался не простым, ответы на него и сегодня являются предметом дискуссий.

Новый человек

не продается

за все золото мира

Свои знаменитые вопросы всех трех «Критик» И. Кант задавал, преследуя целью обозначить онтологические рамки миров — мира природы и мира свободы, тем самым

отвечая на вопрос, «что такое человек?»: это существо пограничное и трансграничное. С одной стороны, он конечен, поскольку принадлежит физическому миру, с другой — сопричастен бесконечности, поскольку способен на свободный поступок. Его конечность определена физически: человек смертен. Его конечность определена чувственно: органы его чувств имеют естественные ограничения. Его конечность определена интеллектуально: его разум ограничен категориями рассудка и идеями разума. Если бы это было только так и не иначе, человек ничем бы не отличался от марионетки, заведенной каким-то мастером. Не могло бы и самосознание — мыслящий и осознающий себя автомат мало чем отличается от автомата не мыслящего и не осознающего. По счастью, которое не всегда воспринимается людьми как высшее счастье, человеку дана возможность действовать не в соответствии с конечными правилами, а свободно или, как говорит Кант, спонтанно. Кант, на наш взгляд, задает тренд «нового человека», как-то решающего кажущуюся неразрешимой задачу: частично оставаясь в рамках природных и социальных законов быть способным на свободный поступок. Осознание природных и социальных границ не мешало человеку, бывшему мечтой философов, «выламываться» из законов: он создавал нечто невозможное с точки зрения природных законов; нарушал принятые социальные нормы и не всегда оказывался неправ перед лицом будущего.

Периодическая «неправота» носителя исторического будущего поддерживала мечтания о новом человеке, рождала новые философские концепции, в которых каждый раз переосмысливалась все та же дилемма: как согласовать традиционность и свободу и — в более широкой постановке — согласуются ли вообще традиция и свобода. Безграничная свобода, способность перейти все возможные границы, кроме разве что физической конечности и смертности — маркиз де Сад. В определенном смысле это тоже новый человек, не знающий никаких законов, кроме тех, которые он нарушает. Он остался в культурной памяти как чудовище, одновременно притягательное, ибо есть в нем соблазн абсолютной свободы, и ужасающее, ибо нарушение моральных законов есть разрушение человеческого в человеке. Противоположный полюс — полный отказ

от свободы рождает феномен «маленького человека», образ которого переполняет страницы русской литературы XIX века. Смелость пойти до конца в осуществлении личной свободы и своеобразная смелость самоуничтожения совпадают в своем разрушительном пафосе.

Онтологическое основание садизма как философии безграничного человека дано в концепции сверхчеловека Ницше. Меньше всего Ницше хотел видеть в своем сверхчеловеке тупое, вооруженное животное, способное ТОЛЬКО к насилию. Его сверхчеловек — заря нового века, хищник, собственными усилиями освободивший себя от того, что дрессировало его веками, держало за запорами в клетке: мораль, религия, традиционные нормы мысли и действия. Если сможешь — вырвись из клетки, уничтожь хлысты, решетки, уничтожь самих дрессировщиков со всем арсеналом их средств. Встань выше тех, кто еще балансирует между свободой и рабством и тем более выше тех, кто добровольно остается в рабстве, променяв свободу на безопасность и комфорт. Свобода дает право подняться над отжившим человеческим, стать новым человеком нового времени, которое еще только брезжит впереди, но которое будет и не может не наступить. Вот пафос ницшеанского сверхчеловека, увлекавший и продолжающий увлекать множества людей. Особенно привлекательно здесь то, что никто, кроме тебя самого, не может судить, действительно ли ты сверхчеловек или лишь возомнивший о себе раб. Ты сам себе и подсудимый, и судья. Ловушка сверхчеловеческого приманивала не только мальчиков, плененных «суровым солдатским лиризмом», в ней оказывались крупные политики, общественные деятели, художники и писатели, прославлявшие или проклинаявшие такого нового человека, но неизменно оказывавшиеся во власти его обаяния.

Одним из первых, кто заметил серьезную опасность извне ничем не стесненной свободы человека, был Вл. Соловьев. Идею сверхчеловека он специально посвятил небольшой, но важную статью «Идея сверхчеловека».

В чем же видит русский философ одновременную притягательность и опасность ницшеанства. Притягательность состоит в том, что ницшеанство открывает простор для любых жизненных дорог, которые каждый вольно выбирает для себя. И если постигнет неудача, винить за нее будет некого, человек выбрал свой путь самостоятельно. Человек становится на этот путь: ему свойственно желать лучшего и большего, мечта о «выходе за пределы», о жизни за пределами наличного обитания естественна и непреодолима. Вся история человеческого общества, а также личные истории людей свидетельствуют о том, что человек постоянно расширял границы своего существования. Преодолевается почти все. Пространственные границы — постоянное стремление «уйти за горизонт», знакомое каждому с детства; освоение новых земель и морей. Границы индивидуального сознания — результаты чувств и мышления переживают века и преодолевают любые препятствия. Границы своего тела и энергии — они расширяются за счет мобилизации телесных ресурсов в экстремальных условиях, за счет использования технических устройств и внешних энергетических источников. Границы времени — за счет продления жизни, за счет постоянной «жизни в будущем»: планирования, перспектив, утопий и упований.

Но существует последняя граница, которую не удастся преодолеть человеку, оставаясь внутри «человеческого» —

На фото: Легенда о Данко (иллюстрация к рассказу М.А. Горького)
Художник В. Макеев 1966-67 г.г.

граница самой жизни. Та же история свидетельствует, что смертно все: смертен человек, смертны социальные организмы, смертны целые цивилизации. Смерть кладет последний предел любому существованию, она прекращает собою все, и сверхчеловек тоже бессилен перед смертью. Альтернатива, которую предлагает русский философ не нова, она известна даже не сотни, а тысячи лет — победить смерть способна устремленность к Богу, выводящая за пределы чисто человеческого существования, она же есть и полная реализация свободы. «... для настоящей, полной свободы человек должен иметь власть не только над природой внешнего мира, но и над своей собственной...»; «...достигнуть этой внутренней свободы, или власти над собственной природой, человек, очевидно, не может из самого себя... — это значило бы поднять самому себя за волосы»; «...абстрактное возвышение над низшей природой во имя своего я, личного достоинства и т.п. может быть только прыжком вверх, за которым неизбежно следует падение»; «цель истинной философии — содействовать в своей сфере, то есть в сфере знания, перемещению центра человеческого бытия из его данной природы в абсолютный, трансцендентный мир, другими словами — внутреннему соединению его с истинно сущим».

Казалось бы, решение найдено. Чтобы избежать крайностей абсолютной свободы и в то же время реализовать непреодолимую тягу к свободе в полной мере, надо из многих путей, обещаемых свободной волей, выбрать один истинный — путь к Богу. Но вот тут возникают самые интересные вопросы.

1. Надо ли идти так далеко?
2. К какому именно Богу надо идти, если человеческий мир создал их великое множество?

На фото: Памятник Ю.А.Гагарину в Москве (1980, скульптор П. И. Бондаренко)

Что касается первого вопроса, то человек вынужден сам решать, до какого предела в поисках смысла собственного существования он пойдет. Жизненные обстоятельства, ситуация времени, усвоенное и сложившееся мировоззрение, стремления и упования побуждают его лично ставить и решать вопрос о путях, «ведущих к храму». Вехой и ориентиром может стать путь, уже пройденный другими — общая историческая память, раздробленная на тысячи и миллионы уже пройденных путей, оцененная временем и приобретающая статус памяти общечеловеческой или памяти своего народа.

Второй вопрос вновь ставит человека в ситуацию выбора. Крайней точкой и последним пределом здесь оказывается Бог в его религиозном понимании. Но какой? Даже при утверждении единства Бога перед индивидом открывается богатый выбор. Христианская Троица или только Христос? Иегова или Аллах? «Боги — профессионалы» греческого пантеона или обожествленные природные силы языческой мифологии? И т.д., и т.д. Принадлежность к определенной конфессии автоматически снимает вопрос о выборе, так что выбора уже не остается, свобода оказывается ущербной, и вера в возможность конкретной религии вывести к Богу рискует выродиться в производство периодических ритуальных действий или экзальтированную, но плохо осмысляемую «веру». И то, и другое вызвали в разумно мыслящем человеке чувства разнообразия, но почти всегда негативные.

Философское исследование феномена веры от гностиков до Ясперса, Витгенштейна, Дерриды, Элиаде и др. подводит к другой мысли: возможен «прыжок к Богу в человеке», выход в трансцендентное, за пределы наличного существования, исходя из собственной сущности, из од-

нажды остро осознанной необходимости «вырваться за границы», реализовать свободу как свою свободу. Этот выход не есть прыжок в неизвестность, он целенаправлен, и направление цели задается, как правило, ситуацией времени и той же верой, но верой осмысленной и разумной. Точнее, действует двойная детерминация: внешние условия задают цель и направление осуществления свободного выбора, в то же время выбирающий может влиять на направление цели. Место Бога традиционной религии в этом случае занимает Идеал человека — кумир, к которому стремятся как к Богу, но в отличие от Бога, идеалы подвержены порче и разрушению. Каждая культура создавала свои идеалы, сменявшие друг друга или существовавшие параллельно. При всем различии у идеалов было нечто общее: со сменой культурных ценностей и ориентиров менялся идеал, хотя, конечно, какие-то черты его оставались неизблемыми, по преимуществу базовые нравственные ценности, которые и позволили в свое время утверждать существование общечеловеческой системы ценностей как сферы «должного». Всякий «идеальный человек» представлял собою двухслойное образование: одной стороной он был повернут к «общечеловеческим ценностям», другой — конкретизировал эти ценности применительно к эпохе. Противоречие такого рода разрешается только в исторической динамике, поэтому всякий идеал, хотя и теоретически представляет собой завершенное состояние и высшую ценность, полностью соответствовать своему понятию в реальности не мог принципиально.

Еще один прыжок «из царства необходимости в царство свободы» возможен посредством Идеи человека. В отличие от Идеала, Идея не содержит в себе законченной формы или совокупности готовых черт. Она лишь побуждает к развитию, в то же время делает это развитие осмысленным. Идея нового человека принципиально не завершена, несмотря на стремление к завершению, не имеет целевой матрицы, хотя предполагает целеполагание. Таким образом, идея человека — не завершенный и даже не завершаемый в определенном будущем проект, это «Дао», это бесконечный путь. Идея требует веры и убежденности, но предполагает постоянную рефлекссию, что превращает в абсолютную необходимость разум, понимаемый в кантовском смысле как способность производить наиболее абстрактные идеи и принципы. Идея человека — постоянно воспроизводящаяся по преимуществу рациональная конструкция, требующая осмысления, диалога и коммуникации, а также индивидуальной самопрезентации. Индивидуальность усвоенной или произведенной идеи не отменяет, а напротив предполагает вовлечение Другого, вплоть до всего человечества в эту идею или ее осуществление. Нельзя осуществить себя лично, игнорируя признание человеческого сообщества. Индивидуальная идентичность может быть устойчивой только в том случае, если находит признание и подтверждение, причем не только в настоящем, но и в прошлом, соотносясь с культурными ценностями и ориентирами истории и будущего.

Последнее обстоятельство представляется весьма важным, если обратиться к состоянию современного человека. Его преимущественная тенденция — разрушение. Разрушение Бога в человеке, когда религия становится либо элементом традиции, либо частью государственной политики и лишается собственного сакрального смысла. Разрушение человеческого идеала как целостного обра-

зования, замена его совокупностью необходимых «обязательных» качеств: быть патриотом государства, законопослушным налогоплательщиком, проявлять политическую сознательность и лояльность. Разрушение самой идеи человека и замена ее набором качеств, свидетельствующих об экономическом успехе индивида: карьерная успешность, материальный достаток, эгоистическая устремленность к жизненному успеху.

Тотальное разрушение человеческого в современном человеке, потеря Бога, Идеала и Идеи не означают, на наш взгляд необратимой катастрофы, означают только необходимость «остановиться, оглянуться». Думать о смысле собственного, как человеческого в целом, так и индивидуального существования всегда призывали нас философы, начиная с Сократа и совсем необязательно размышления о смысле жизни отучают нас жить, как полагал Ницше и о чем сокрушался Хайдеггер. Думать о себе, действовать в направлении роста человеческого в себе, иметь в себе нечто, что возвышает человеческую душу, призывают и лучшие умы современности, мыслители, в одно время с которыми посчастливилось нам жить.

Примечания

¹ Еф. 2, 15

² Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. в 6 томах, М. Мысль, 1965 г.

³ К. Свасьян. Фридрих Ницше: история одного поражения. // Ницше Ф. Избранные произведения. — М. 1993 г. С. 14

⁴ В. Соловьев. Соч. в 2 гг. — М. 1990 г.), хотя как оппонент этой идее он выступал и в более ранних работах (см. Философские начала цельного знания // там же; В. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров...»; Краткая повесть об Антихристе — Спб 1994 г.

⁵ Вл. Соловьев. Философские начала цельного знания. // Вл. Соловьев, Соч. в 2 т., — М., 1990, с. 198—199

⁶ Агацци Э. Человек как предмет философского познания. // О человеческом в человеке — М. 1991 г.

⁷ Ю. Хабермас. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб., 2001 г.

⁸ Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке — М. 2007 г.

Анонс

Вопросы Патриарху

Учитывая принципиальную важность главной темы номера, общественно-политический журнал «ЗИНОВЬЕВ» анонсирует вопросы, с которыми редакция обратилась к Его Святейшеству Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу. Ответы на вопросы, волнующие нашу читательскую аудиторию, будут опубликованы в последующих номерах журнала в случае их получения.

Ваше Святейшество!

1. Как Вам представляется оптимальное взаимодействие религии и науки с учетом современного развития человеческой цивилизации и необходимостью поиска истины? Где заканчивается противостояние и начинается сотрудничество этих двух познающих и объясняющих систем?

2. Не становится ли человек правдивый, честный, справедливый в современном обществе обезоруженным, «голым среди волков»? И как ему, сохраняя себя в духовной чистоте, выжить и достичь социального успеха?

На фото: Визит Патриарха Кирилла в Санкт-Петербург. Фото Пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси (апрель 2009)

3. Меняется ли человеческая этика в изменчивом, глобальном мире? Можно ли говорить о появлении другого человека?

4. Остается ли шанс для духовного лидерства России? Если да, то какие Вы видите социальные, интеллектуальные и гуманитарные предпосылки?